

ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ ТАРТУСКОЙ ШКОЛЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. Ю. Лотман^{1, 2}

¹Таллинский университет
10120, Эстония, Таллин, Нарвское шоссе, 25

²Тартуский университет
51005, Эстония, Тарту, ул. Якоби, 2
Поступила в редакцию 01.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные со становлением понятия текста, центрального для Тартуско-московской семиотической школы, и возможные направления его развития. К первым относится соотношение статики и динамики. С точки зрения классического структурализма, языковая система является статичным образованием. Вместе с тем, поскольку порождение текста представляет собой динамичный процесс, возможность динамики должна быть каким-то образом заложена и в языке. Решение этой дилеммы в Тартуско-московской школе велось в двух направлениях. Во-первых, это представление о принципиальной полисемиотичности текста: вербальный текст кодируется не одной, а несколькими знаковыми системами. Во-вторых, это представление об активности текста, его памяти и его ответственности. Соответственно, формируются два основных направления развития идей Тартуско-московской школы. Первое связано с исследованием полисемиотических систем и механизмов, будь то теория поэтического языка, теория перевода или интерсемиотические интеракции в различных областях биосемиотики. Второе реализуется в исследованиях взаимодействия текста и дискурса, в семиотике истории, идеологии и т. п.

Ключевые слова: *семиотика, Тартуско-московская семиотическая школа, текст, дискурс, история, аутопоэзис.*

Текст — одно из ключевых понятий Тартуско-московской семиотической школы (ТМШ). Ставшее предметом активного обсуждения после публикации первой структуралистской монографии Ю.М. Лотмана, открывшей серию семиотических изданий Тартуского университета (Лотман, 1964), оно имело целый ряд импликаций не только в области поэтики, но и в других областях семиотического знания (ср. Лотман М., 1995). При этом само понятие текста претерпело знаменательную эволюцию.

Концепция текста в ТМШ и в первую очередь в наследии Ю.М. Лотмана привлекала и привлекает внимание исследователей (см.: Lachmann, 1987; Леута, 2009 и, особенно подробно, Золян, 2016). Настоящие заметки не ставят своей целью всесторонний анализ проблемы, их задача скромнее: наметить основные траектории развития концепции текста, которые, возможно, дадут ориентиры для дальнейших исследований в этой области.

Осознание текста в качестве самостоятельной проблемы произошло сравнительно поздно — в середине 1950-х годов, причем осознание это в лингвистике и поэтике было связано с разными причинами и шло различными путями. Классический структурализм проблемы текста не знал, и само понятие текста было чем-то маргинальным, находящимся за пределами основного направления развития науки о языке. Соссюр разделил языковую область на собственно язык и речь, причем именно язык представлял для него основной интерес. Текст же являлся всего лишь фиксированной разновидностью речи.

Лингвистический структурализм развивался в соответствии с декартовским принципом развития науки: от простого к сложному, от частей к целому. основополагающие работы в области фонологии нашли продолжение в области морфологии и, далее, синтаксиса. Возник вопрос о верхней границе лингвистических единиц: следует ли считать наибольшей языковой единицей сложноподчиненное предложение, или существуют лингвистически релевантные надфразовые образования? Так, выдающийся лингвист Эмиль Бенвенист утверждал, что высшей единицей языковой структуры является предложение (Бенвенист, 1974а). Между тем уже в 1952 году Зеллиг Харрис опубликовал пионерскую работу, в которой показал, что регулярные ограничения, накладываемые на синтаксические структуры, выходят за рамки предложения (Harris, 1952). Это исследование дало толчок развитию лингвистики текста. Первоначально дело шло лишь о межфразовых отношениях и, строго говоря, это была лингвистика не текста, а сверхфразовых единств. В рамках ТМШ сверхфразовым синтаксисом продуктивно занимался Б.М. Гаспаров и его ученики (Гаспаров, 1975а, 1975б и др.); Е.В. Падучева выявила связь межфразовых отношений с актуальным членением (Падучева, 1964). Удалось также разработать формальную модель семантических отношений на сверхфразовом уровне (Лотман М., 1988).

Дальнейшие исследования в области семантики и прагматики позволили говорить о тексте как о структурном образовании, не сводимом к сумме своих составляющих. Лингвистика текста заняла положение, промежуточное между собственно лингвистикой и риторической поэтикой. Если развитие лингвистики шло в направлении от простого к сложному, то в поэтике, напротив, текст является первичной реальностью, подлежащей декомпозиции в ходе последующего анализа. Если в лингвистике было более или менее очевидно, из каких единиц состоит текст, проблему же представлял текст как целое, то в поэтике, напротив, текст был непосредственной данностью, а на какие эстетически релевантные части он разлагается, приходилось решать в каждом конкретном случае *ad hoc*.

Другой ракурс проблемы текста представляли исследования в области лингвистической и художественной коммуникации. Здесь текст рассматривается с функциональной точки зрения — как разновидность закодированного сигнала. Классическая работа Романа Jakobson широко известна (Jakobson, 1960), она стимулировала многочисленные исследования. Jakobson связал структуру языковой коммуникации с

функциями языка. Он переформулировал дихотомию Соссюра, назвав оппозицию языка и речи соотношением между кодом и сообщением. Это, казалось бы, чисто терминологическое решение имело далеко идущие последствия, поскольку переводило проблему в область общей теории коммуникации. А.М. Пятигорский (1962) охарактеризовал текст в качестве субъективного события (сигнала), имеющего объективные последствия; текст-сигнал является сингулярным событием, вместе с тем каждый текст вне зависимости от его внутренних характеристик есть потенциальное произведение. Эти положения получили развитие в совместной с Ю.М. Лотманом заметке (Лотман, Пятигорский, 1968), ставшей отправной точкой для дальнейших исследований в области текста в рамках ТМШ.

Новое понимание текста позволило использовать при его анализе методы, выработанные в лингвистике для анализа языковых, а не речевых структур. Метод бинарных оппозиций был разработан Н.С. Трубецким для анализа явлений фонологии (а не фонетики), но Клод Леви-Строс (1985) с успехом применил его при анализе мифологии и структур родства, а Ю.М. Лотман — при анализе художественных структур (Лотман, 1964, 1972 и др.). Художественный текст далеко не всегда является реализацией заранее сформированного языка, но сам в ходе своего создания создает свой язык — оппозиция языка и речи в художественном творчестве оказывается существенно модифицированной по сравнению с тем, что, по мнению Соссюра, имеет место в языковой сфере (*langage*). Ю.М. Лотман делает отсюда еще более радикальный вывод: «В реальной истории культуры мы неоднократно сталкиваемся со случаями, когда появление текста предшествует появлению языка и стимулирует это последнее» (Лотман, 1981, с. 28).

В другом, но тоже исключительно важном направлении развивалась концепция текста во французском структурализме. Если для тартуских структуралистов текст своей замкнутостью и имманентностью отдалялся от речи и приближался к языку, то для Ролана Барта (1989), Мишеля Фуко (1996) и других был важен, напротив, принципиально открытый характер текста как языкового высказывания. Здесь также изначально имела место, казалось бы, невинная терминологическая замена: при сохранении основной соссюровской дихотомии языка (*langue*) и речи (*parole*) наименование последней было заменено на практически синонимичный термин *discours*. Поначалу это решение было чревато недопониманиями, поскольку ассоциировалось с дискурсивным анализом Э. Харриса и его последователей (см. выше), однако вскоре именно такое понимание дискурса стало преобладающим. Дискурс в трактовке Барта и особенно Фуко, но отчасти и Бенвениста (напр., Бенвенист, 1974б) не вмещается в рамки не только речи, но и всей соссюровской языковой деятельности (*langage*); понятие дискурса включает целый ряд экстралингвистических — социополитических и психологических — параметров. Это имело важные последствия и для теории текста. Если классический структурализм предпочитал рассматривать текст в его замкнутости, то дискурсивный анализ заставил сместить акцент в сторону интертекстуальности. Хотя уже в «Лекциях по структуральной

поэтике» (Лотман, 1964) последняя глава была посвящена соотношению внутри- и внетекстовых связей, читателей заинтересовали прежде всего первые главы¹; в «Структуре художественного текста» Ю. М. Лотмана (1972) анализ внетекстовых связей оказывается в середине монографии. В дальнейшем различные механизмы интертекстуальности привлекали все большее внимание исследователей в ТМШ (ср. Минц, 1973, 1992).

В близком направлении развивались исследования акмеизма в трудах К. Ф. Тарановского — внимательного читателя изданий ТМШ. Если в первых работах, посвященных поэтике Мандельштама, Тарановский придерживался традиционной парадигмы цитаций и влияний, то начиная с заметки о «Сеновале» он последовательно отстаивает преимущества «открытой» интерпретации художественного текста (Тарановский, 1973)². Главное же его достижение в области поэтики заключалось в разработке методики контекстуального и подтекстуального анализа (Taranovsky, 1976; ср. также Ронен, 1973), причем такой подход к художественному тексту позволяет использовать формальный аппарат логико-лингвистической прагматики, поскольку подтексты могут интерпретироваться в качестве пресуппозиций (Лотман М., 1984).

Прагматическая перспектива подспудно присутствовала и в лингвистической теории текста, начиная по крайней мере с модели языковой коммуникации Бюлера — Якобсона (Bühler, 1999; Jakobson, 1960). В публикациях Ю. М. Лотмана якобсоновская концепция языковой коммуникации и ее схема были подвергнуты существенному пересмотру. Схема Якобсона статична: код, контекст и контакт³, равно как отправитель (адресант) и получатель (адресат), существуют до акта коммуникации и, очевидно, вне зависимости от нее. По Ю. М. Лотману, всякий акт коммуникации динамичен. Акт коммуникации не есть передача готового сообщения: не только сообщение (текст) невозможно без кода (языка), но и язык в отсутствие сообщений на нем мертв; более того, язык развивается за счет создаваемых на нем текстов, а подчас, особенно в сфере художественного творчества, и создается ими. Столь же динамично и соотношение остальных компонентов коммуникативной ситуации. Контекст — это со-текст (кон-текст), он не может существовать до текста; в той же мере, в какой текст зависит от контекста, и контекст зависит от текста, создается им. Акт коммуникации есть акт перевода, акт

---

¹ Зато в комментариях к позднему изданию «Лекций» В. С. Баевский так охарактеризовал заключительную главу книги: «Сегодня хорошо видно, что в этой исключительной по судьбе небольшой книге, открывшей мощное научное направление, данный и следующий параграфы выдвинули наибольшее количество идей, вошедших в теорию литературы» (Баевский, 1994, с. 254).

² Несколько позднее следующий шаг сделает Умберто Эко, согласно которому не только интерпретация, но и сам текст представляет собой открытую структуру (Есо, 1979).

³ Определенные коррективы, динамизирующие ситуацию, вносит фатическая функция, поскольку даже по Якобсону она не обязательно сводится к проверке канала связи (контакта), но в определенных условиях может его создавать.

трансформации: текст трансформирует язык, адресата, устанавливает контакт между адресантом и адресатом, трансформирует самого адресанта. Более того, текст трансформируется сам и перестает быть тождественным самому себе.

На двух последних утверждениях следует остановиться несколько подробнее. В статье «Текст и структура аудитории» (Лотман, 1977б) показывается активность текста в выборе и даже создании своей аудитории. Когда М.Л. Гаспаров как-то обмолвился, что Россия — это читатели Пушкина, то он в афористической форме выразил эту же идею: тексты Пушкина создали некоторое сообщество; нельзя сказать, что без этих текстов России не было бы, но можно определенно утверждать, что ее не было бы в том виде, в каком мы ее знаем. Дело не сводится к влиянию того или иного текста на своих читателей или слушателей. «Между текстом и аудиторией складывается отношение, которое характеризуется не пассивным восприятием, а имеет природу диалога» (Лотман, 1977б, с. 55). Диалог этот обогащает и трансформирует обоих участников, в частности, получая некий текст, аудитория «может вспомнить то, что ей было неизвестно» (Лотман, 1977б, с. 61), то есть нечто «внешнее» становится не просто «внутренним» в результате усвоения или заимствования, но исконно «своим». С одной стороны, это происходит в результате реализации в тексте определенной стратегии автора, с другой — текст сам является участником диалога, приобретая определенную автономию по отношению к своему автору, а в случаях автокоммуникации — и первичность по отношению к нему.

Автокоммуникации посвящена статья «О двух моделях коммуникации в системе культуры» (Лотман, 1973а). Случаи автокоммуникации многочисленны и разнообразны, начиная с внутренней речи и мнемонических заметок и заканчивая дневниками и текстами исповедального характера, созданными с целью самопознания и самосовершенствования; кроме того — и это для Ю.М. Лотмана имеет принципиальное значение — механизмы автокоммуникации являются существенным компонентом художественного творчества: автор творит не только текст, который воздействует на аудиторию, но, будучи сам частью этой аудитории, творит самого себя. Концепция автокоммуникации имеет кардинальные последствия для типологии культуры: если на уровне личности автокоммуникация может играть второстепенную роль, то на уровне культуры как целого сумма и значение внутрикультурных коммуникаций преобладает над межкультурными.

Текст неотделим от остальных участников коммуникативного акта и, влияя на них, трансформируя их, он оказывается нетождественным самому себе. Какие-то компоненты смысла теряют свою актуальность, забываются и отмирают, однако основной вектор развития направлен в сторону обогащения и усложнения смысла: включаясь во все новые внетекстовые связи, структура текста и его семантика постоянно усложняются, и все это заставляет вспомнить Гераклита. «Самовозрастающий логос» — так звучал один из первоначальных вариантов заглавия книги «Внутри мыслящих миров» (Лотман, 1996).

Одной из движущих сил саморазвития текста является его принципиальная неоднородность, в частности его полиглотизм: каждый текст выступает реализацией по крайней мере двух семиотически различных языков, из которых один оперирует конвенциональными (символическими, по Ч. С. Пирсу) знаками, а другой — иконическими. Это одно из наиболее принципиальных положений ТМШ, противостоящее всем предшествующим концепциям текста, в том числе Соссюра и Якобсона. Так, поэтический текст реализует конвенциональную систему естественного языка, но также и язык образов, носящий иконический характер, а кроме того, метрическую структуру, представляющую язык третьего типа (Lotman M., 2011, 2012a).

Текст парадоксальным образом сочетает свойства элементарного замкнутого сигнала и сложнейшей гетерогенной открытой структуры. Эти свойства позволяют рассматривать его в роли не только носителя информации, но и модели, с одной стороны, (индивидуального) сознания, а с другой — культуры (коллективного сознания) в целом. Сила и преимущество семиотических моделей заключаются в том, что посредством семиотической редукции⁴ можно, отбросив все семиотически нерелевантное, получить простые структуры, лежащие в основе самых разнообразных явлений в сфере различных культурных феноменов и коммуникативных процессов. Так, на определенном уровне абстракции можно столь различные в материальном плане объекты, как текст, интеллект и культура, описывать при помощи одной и той же семиотической модели, или, иными словами, использовать, к примеру, текст в качестве модели культуры, а культуру — в качестве модели текста (ср. также «фонологический анализ» систем родства, осуществленный К. Леви-Стросом).

Семиотически неоднородный текст обладает способностью генерировать новые сообщения. «Роль его отличается активностью: он всегда “знает больше”, чем исходное сообщение» (Лотман, 1981, с. 27). Текст, подобно интеллекту, является генератором смысла (Лотман, 1981). Работающая модель интеллекта (даже если речь идет об интеллекте искусственном) не может быть мооязычна; подобно тексту, она должна включать по крайней мере два механизма, работающих на языках различного типа (например, конвенциональном, вербальном и иконическом). Эти механизмы находятся в состоянии постоянного диалога, но порождаемые ими сообщения не полностью переводимы на язык партнера.

---

⁴ Я предложил термин «семиотическая редукция» для обозначения соссюровской методологии и по аналогии с феноменологической редукцией. Для выделения языковой знаковости в чистом виде нужно последовательно элиминировать все факторы, связанные с пространственными, временными, психологическими и материальными условиями (Lotman M., 2012b). Лишь выделив семиотический механизм в чистом виде, можно в дальнейшем исследовать его социокультурные, психологические, исторические, географические и иные манифестации.

Следует отметить, что текст типа T2 (то есть семиотически неоднородный текст, например художественный. — М.Л.) обнаруживает черты интеллектуального устройства: он обладает памятью, в которой он может концентрировать свои предшествующие значения, и одновременно он проявляет способность, включаясь в коммуникативную цепь, создавать новые нетривиальные сообщения. Если принять определение разумной души, которое дал Гераклит Эфесский: «Психее присущ самовозрастающий логос», то T2 может рассматриваться как один из объектов, обладающих этим свойством.

Вопрос о «памяти текста», несмотря на его исключительную сложность, уже находится в определенной — хотя все еще начальной — стадии рассмотрения (ср. введенное М. М. Бахтиным понятие «память жанра»). Более неожиданным может показаться представление о тексте как мыслящем устройстве. <...> «Самовозрастающий логос» не подразумевает, а исключает изолированность. Мыслящее устройство не может работать в изоляции. Это подтверждается и индивидуальным «естественным разумом» (в значении, параллельном термину «естественный язык»), и вторичным коллективным разумом культуры (Лотман, 1981, с. 27–28)⁵.

Сказанное справедливо как для отдельно взятого текста, так и для (индивидуального) интеллекта и для культуры (коллективного интеллекта) как целого, рассматриваемого в качестве своего рода сверттекста. Поскольку речь идет в первую очередь о человеческом интеллекте, то в силу функциональной асимметрии мозга сообщения иконического механизма передаются обычно в переводе на вербальный язык: визуальные структуры переводятся в вербальные⁶. Так порождаются метафоры и вообще значительная часть языковой образности (Lotman M., 2011, 2012a).

То, что текст обладает определенными семиотическими свойствами личности, в частности определенным поведением и судьбой, позволяет использовать его в качестве модели поведения вообще и человеческого поведения в частности. Такие метафоры, как *книга жизни*, встречаются в различные эпохи в самых различных культурах; ср. также более современные и вместе с тем более специфические образования типа *текст поведения*, *жизнетворчество* и др. Семиотический смысл этих метафор (а каждая метафора является своего рода моделью) был описан значительно позже (ср.: Лотман, 1973б, 1975, 1977а; Золян, Чернов, 1977; Паперно, 1979).

Следующий большой круг проблем связан с темой «текст и история». Этой проблематике посвящен большой цикл поздних работ

---

⁵ Семиотическая теория нетождественности текста самому себе, возрастания его смысла и включенности в некий супертекст находит параллели в поэтологии русского модернизма, особенно акмеизма; ср. концепцию мирового поэтического текста (Левин и др., 1974).

⁶ В этом смысле особый интерес представляет жанр экфрасиса, который может быть интерпретирован в качестве экстериоризации работы человеческого сознания. Не случайно традиционное европейское образование включает в качестве обязательного компонента умение «рассказать картинку».

Ю. М. Лотмана. Здесь выделяются три основных аспекта. Во-первых, как известно, исторический нарратив всегда принимает форму текста (этим он отличается от мифов и других форм доисторического повествования). Обычно недостаточно внимания обращается на то обстоятельство, что текст навязывает повествованию о прошлом свои свойства: герои, события, вообще сюжетность как таковая — суть продукты нарративного мышления. Во-вторых, как уже было сказано, текстовые модели могут определять поступки людей, тем самым оказывая влияние не только на интерпретацию тех или иных феноменов, но и на сам ход событий. В-третьих, текстуальность разбивает поток бытия на отграниченные отрезки, имеющие, как и текст, начало и конец. Отмеченность конца заставляет видеть в истории смысл и назначение (Лотман, 1993, 1996). Расчлененность является условием осмысленности, осмысленность же, в свою очередь, подразумевает расчлененность:

Поведение человека осмысленно. Это означает, что деятельность человека подразумевает какую-то цель. Но понятие цели неизбежно включает в себя представление о некоем конце события. Человеческое стремление приписывать действиям и событиям смысл и цель подразумевает расчлененность непрерывной реальности на некоторые условные сегменты. Это же неизбежно сопрягается со стремлением человека понять то, что является предметом его наблюдения. <...> То, что не имеет конца, не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства. В этом отношении приписывание реальности значений, в частности в процессе художественного осмысления, неизбежно включает в себя сегментацию (Лотман, 1993, с. 1).

Теория текста в ТМШ постоянно развивалась; идеи и догадки 1960-х годов были необходимой, но недостаточной предпосылкой концепций, получивших развитие в последующие десятилетия. Думается, что потенциал этих идей еще не исчерпан. Можно наметить два принципиально новых для ТМШ направления. Первое из них связано с социосемиотикой, второе — с биосемиотикой. Первое едва ли является неожиданным: если, с одной стороны, индивидуальное поведение, а с другой — культура в целом могут рассматриваться в качестве текста, то, очевидно, подобный подход может оказаться продуктивным и при описании социальных структур. Интереснее, однако, то, что текстуальный подход к обществу позволяет выделить в нем разные типы текстов, не сводимые к тексту культуры. Еще более захватывающие перспективы методология тартуского структурализма открывает в области биосемиотики. Калеви Кульль, теоретический биолог по своей первой специальности, определяет жизнь как сам себя читающий текст (Kull, 1998; ср. также: Kull, Lotman, 2012): синтез белка включает чтение и интерпретацию содержащейся в белке генетической информации; синтезированный белок, в свою очередь, содержит ту же генетическую информацию. Если с точки зрения психосемиотики «сознанию должно предшествовать сознание», а с точки зрения семиотики культуры «развитой цивилизации должна предшествовать развитая цивилизация» (Лотман, 1981, с. 28), то с точки зрения биосемиотики жизни должна предшествовать жизнь. Жизнь, понимаемая как текст.

Список литературы

- Баевский В. С. Комментарий // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 247–257.
- Барт Р. Избр. Работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
- Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974а. С. 129–140.
- Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974б. С. 311–320.
- Гаспаров Б. М. Принципы синтагматического описания уровня предложений. Труды по русской и славянской филологии. [Сб.] 13. Сер. лингвистическая. Тарту : ТГУ, 1975а. С. 3–29.
- Гаспаров Б. М. Структура формальной связи предложений в современном русском языке // Труды по русской и славянской филологии. [Сб.] 23. Сер. лингвистическая. Тарту : ТГУ, 1975б. С. 30–63.
- Золян С. Юрий Лотман о тексте: Идеи, проблемы, перспективы // НЛО. 2016. №3 (139).
- Золян С. Т., Чернов И. А. О структуре языка описания поведения // Труды по знаковым системам. [Сб.] 8. Тарту : ТГУ, 1977а. С. 151–163.
- Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тищенко Р. Д. и др. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature. 1974. №7/8. С. 47–82.
- Леви-Строс К. Структурный анализ в лингвистике и антропологии // Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Главная редакция восточной литературы, 1985. Гл. 2. С. 33–52.
- Леута О. Н. Ю. М. Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман. М. : РОССПЭН, 2009. С. 294–309.
- Лотман М. Ю. Семантика контекста и подтекста в поэзии Мандельштама // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics. 1984. Vol. 29. С. 133–142.
- Лотман М. Ю. Семантическая структура связного текста и проблемы ее представления в АИПС. Таллин : Eesti Informatsiooni Instituut, 1988.
- Лотман М. Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая) // Лотмановский сборник. Т. 1. М. : ИЦ-Гарант, 1995. С. 214–222.
- Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 : Введение, теория стиха // Труды по знаковым системам. [Сб.] 1. Тарту : ТГУ, 1964.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1972.
- Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. [Сб.] 6. Тарту : ТГУ, 1973а. С. 227–243.
- Лотман Ю. М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Semiotyka i struktura tekstu: studia poświęcone VII. Międzynarodowemu Kongresowi Slawistów. Warszawa ; Wrocław : Ossolineum, 1973б. С. 337–355.
- Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. Литературное наследие декабристов : сб. ст. Ленинград : Наука, 1975. С. 25–74.
- Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Труды по знаковым системам. [Сб.] 8. Тарту : ТГУ, 1977а. С. 65–89.
- Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. [Сб.] 9. Тарту : ТГУ, 1977б. С. 55–61.
- Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Семиотика и информатика. М. : ВИНТИ. 1981. Вып. 1. С. 13–17.

Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // *Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XX : Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman.* Amsterdam : Rodopi, 1993. С. 1–15.

Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров.* М. : Языки русской культуры, 1996.

Лотман Ю. М., Пятигорский А. М. Текст и функция // III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Кяэрику, 10–20 мая 1968 г. : тез. Тарту : ТГУ, 1968. С. 74–88.

Мицц З. Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // *Труды по знаковым системам.* [Сб.] 6. Тарту : ТГУ, 1973. С. 387–417.

Мицц З. Г. «Забывтая цитата» в поэтике русского постсимволизма // *Труды по знаковым системам.* [Сб.] 25. Тарту : ТГУ, 1992. С. 123–136.

Паперно И. А. Структура устной речи и проблемы моделирования поведения // *Семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика.* Тарту : ТГУ, 1979. С. 143–163.

Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // *Структурно-типологические исследования.* М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 144–154.

Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky / eds. R. Jakobson, C. H. van Schooneveld, D. S. Worth.* The Hague ; Paris : Walter de Gruyter, 1973. С. 367–388.

Тарановский К. Ф. О замкнутой и открытой интерпретации поэтического текста // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists (Warsaw, August 21–27, 1973).* Vol. 1 : Linguistics and Poetics. The Hague : De Gruyter Mouton, 1973. С. 333–360.

Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности.* М. : Касталь, 1996. С. 47–95.

Bühler K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache.* Stuttgart : Fischer, 1999.

Eco U. *Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative.* Milano : Bompiani, 1979.

Harris Z. S. *Discourse Analysis // Language.* 1952. Vol. 28, №1. P. 1–30.

Jakobson R. *Linguistics and Poetics // Style in Language / ed. Th. Sebeok.* Cambridge, Mass. : MIT Press, 1960. P. 359–377.

Kull K. Organism as a self-reading text: anticipation and semiosis // *International Journal of Computing Anticipatory Systems.* 1998. Vol. 1. P. 93–104.

Kull K., Lotman M. *Semiotica Tartuensis: Jakob von Uexküll and Juri Lotman // Chinese Semiotic Studies.* Vol. 6. Nanjing : Nanjing Normal University Press, 2012. P. 312–323.

Lachmann R. Value Aspects in Jurij Lotman's Semiotics of Culture / *Semiotics of Text. Dispositio.* 1987. Vol. XII, №30–32. P. 13–33.

Lotman M. *Linguistics and Poetics Revisited // Frontiers in Comparative Prosody / eds. M. Lotman, M.-K. Lotman.* Bern ; Berlin etc. : Peter Lang Verlag, 2011. P. 15–53.

Lotman M. Verse as a semiotic system // *Sign Systems Studies.* 2012a. Vol. 40, №1/2. P. 18–49.

Lotman M. *Sissejuhatuses // Lotman M. Struktuur ja vabadus I : Semiootika vaatevinklist.* 1.1. Tartu-Moskva koolkond: tekstist semiosfäärini. Tallinn : TLU kirjastus, 2012b. L. 15–46.

Taranovsky K. *Essays on Mandel'stam.* Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1976.

Об авторе

Михаил Юрьевич Лотман, профессор, Таллинский университет; ведущий научный сотрудник, Тартуский университет, Эстония.

E-mail: mihhail.lotman@gmail.com

Для цитирования:

Лотман М. Ю. Текст в контексте Тартуской школы: проблемы и перспективы // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 45–58. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4.

THE TEXT IN THE CONTEXT OF THE TARTU SEMIOTIC SCHOOL: PROBLEMS AND PROSPECTS

M. Yu. Lotman^{1, 2}

¹Tallinn University
25 Narva rd., 10120, Tallinn, Estonia

²University of Tartu
2 Jakobi, 51005 Tartu, Estonia
Submitted on August 1, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4

In this article, I discuss problems associated with the emergence and development of the concept of text, which is central to the Tartu-Moscow Semiotic School (TMS). The first problem is the interrelation between statics and dynamics. From the perspective of classical structuralism, the language system is a static entity. The generation of a text, however, is a dynamic process. Therefore, language should contain the possibility of dynamics. The TMS offered a twofold solution to this dilemma. Firstly, the text was assumed to have a polysemiotic nature: the verbal text is encoded not by one, but by several sign systems. Secondly, there was an idea of the activity, memory, and responsibility of the text. The two major lines of research within the TMS developed accordingly. The first one focused on polysemiotic systems and mechanisms: the theory of poetic language, translation theory, and intersemiotic interactions in various fields of biosemiotics. The second one explored interactions between the text and the discourse, the semiotics of history, ideology, etc.

Keywords: *semiotics, Tartu-Moscow Semiotic School, text, discourse, history, autopoiesis.*

References

Baevskii, V.S. 1994. Kommentarii. In: A. Koshelov, ed. *Yu. M. Lotman i tartusko – moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu – Moscow semiotic school]. Moscow: Gnozis (in Russ.).

Bart, R., 1989. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow: Progress (in Russ.).

Benvenist, E., 1974a. Levels of linguistic analysis. In: E. Benvenist, ed. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress (in Russ.).

Benvenist, E., 1974b. The formal apparatus of utterance. In: E. Benvenist, ed. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress (in Russ.).

Gasparov, B. M., 1975a. The principles of syntagmatic description of the level of sentences. In: B. Gasparov, ed. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii XXIII. Seriya lingvisticheskaya* [Proceedings of Russian and Slavic Philology XXIII. A series of linguistic.]. Tartu: TGU. pp. 3–29 (in Russ.).

Gasparov, B. M., 1975b. The structure of the formal connection of sentences in modern Russian. In: B. Gasparov, ed. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii XXIII. Seriya lingvisticheskaya* [Proceedings of Russian and Slavic Philology XXIII. A series of linguistic.]. Tartu: TGU. pp. 30–63 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2016. Yuri Lotman on the text: Ideas, problems, prospects. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 3(139), pp. 63–96 (in Russ.).

Zolyan, S. T., Chernov, I. A., 1977. On the structure of the language of the description of behavior. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 8, pp. 151–163 (in Russ.).

Levin, Yu. I., Segal, D. M., Timenchik, R. D., Toporov, V. N., Tsiv'yan, T. V., 1974. Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm. *Russian Literature*, 7(8), pp. 47–82 (in Russ.).

Levi-Stross, K., 1985. Structural analysis in linguistics and anthropology. In: K. Levi-Stross, ed. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury (in Russ.).

Leuta, O. N., 2009. Yu. M. Lotman on the three functions of the text. In: V. Kantor, ed. *Yurii Mikhailovich Lotman* [Yuri Mikhailovich Lotman]. Moscow: ROSSPEN. pp. 294–309 (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1984. The semantics of context and subtext in the poetry of Mandelstam. *International Journal of Slavic Linguistic and Poetics*, 19, pp. 133–142 (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1988. *Semanticheskaya struktura soyaznogo teksta i problemy ee predstavleniya v AIPS* [The semantic structure of a coherent text and the problems of its presentation in AIPS]. Tallinn: Eesti Informatsiooni Instituut (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1995. Behind the text: notes on the philosophical background of Tartu semiotics. In: *Lotmanovskii sbornik* [Lotman collection]. Vol. 1. Moscow: Its-Garant (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1964. Lectures on structural poetics. I Introduction. Theory of verse. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 1 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1972. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow: Iskustvo (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1973a. About two models of communication in the cultural system. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 6, pp. 227–243 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1973b. Theater and theatricality in the culture of the early 19th century. In: *Semiotyka i struktura tekstu: studia poświęcone VII. Międzynarodowemu Kongresowi Slawistów*. Warszawa – Wrocław: Ossolineum. pp. 337–355 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1975. Decembrist in everyday life. In: V. G. Bazanov, V. Vatsuro, eds. *Literaturnoe nasledie dekabristov: (Sbornik statei)* [The literary heritage of the Decembrists: (Collection of articles)]. Leningrad: Nauka. pp. 25–74 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1977a. Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 8, pp. 65–89 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1977b. Text and audience structure. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 9, pp. 51–61 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981. The brain – text – culture – artificial intelligence. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science], 1, pp. 13–17 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1993. Death as a plot issue. In: *Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XX: Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman*. Amsterdam: Rodopi. pp. 1–15 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1996. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. Moscow: Languages of Russian Culture (in Russ.).

Lotman, Yu. M., Pyatigorskii, A.M., 1968. Text and function. In: *III Letnyaya shkola po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [III Summer School on Secondary Modeling Systems]. Kääriku, 10–20 May 1968. Tartu: TSU. pp. 74–88 (in Russ.).

Mints, Z.G., 1973. The function of reminiscences in the poetics of A. Blok. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactions on Sign Systems], 6, pp. 387–417 (in Russ.).

Mints, Z.G., 1992. “Forgotten Quote” in the poetics of Russian post–symbolism. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactions on Sign Systems], 25, pp. 123–136 (in Russ.).

Paperno, I. A., 1979. The structure of spoken language and problems of modeling behavior. In: *Semiotika ustnoi rechi: Lingvisticheskaya semantika i semiotika* [Semiotics of oral speech: Linguistic semantics and semiotics]. Vol. 481. Tartu: TGU. pp. 143–163 (in Russ.).

Pyatigorskii, A.M., 1962. *Nekotorye obshchie zamechaniya otnositel'no rassmotreniya teksta kak raznovidnosti signala. Strukturno tipologicheskie issledovaniya* [Some general remarks regarding the consideration of the text as a kind of signal. Structural typological studies]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 144–154 (in Russ.).

Ronen, O., 1973. Lexical repetition, subtext and meaning in the poetics of Osip Mandelstam. In: R. Jakobson, C.H. van Schooneveld, D.S. Worth, eds. *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. The Hague – Paris: Walter de Gruyter. pp. 367–388 (in Russ.).

Taranovskii, K.F., 1973. About the closed and open interpretation of the poetic text. In: *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, I: Linguistics and Poetics*. Warsaw, 21–27 August 1973. The Hague: De Gruyter Mouton. pp. 333–360 (in Russ.).

Fuko, M., 1996. The Order of Discourse. Inaugural lecture at the College de France delivered on December 2, 1970. In: M. Fuko, ed. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Castal. pp. 47–95 (in Russ.).

Bühler, K., 1999. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Stuttgart: Fischer.

Eco, U., 1979. *Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative*. Milano: Bompiani.

Harris, Z.S., 1952. Discourse Analysis. *Language*, 28(1), pp. 1–30.

Jakobson, R., 1960. Linguistics and Poetics. In: T. Sebeok, ed. *Style in Language*. Cambridge (MA): MIT Press. pp. 359–377.

Kull, K., 1998. Organism as a self–reading text: anticipation and semiosis. *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, 1, pp. 93–104.

Kull, K., Lotman, M., 2012. Semiotica Tartuensis: Jakob von Uexküll and Juri Lotman. *Chinese Semiotic Studies*, 6, pp. 312–323.

Lachmann, R., 1987. Value Aspects in Jurij Lotman's Semiotics of Culture/Semiotics of Text. *Dispositio*, 7(30–32), pp. 13–33.

Lotman, M., 2011. Linguistics and Poetics Revisited. In: M. Lotman, M.-K. Lotman, eds. *Frontiers in Comparative Prosody*. Bern, Berlin etc.: Peter Lang Verlag. pp. 15–53.

Lotman, M., 2012a. Verse as a semiotic system. *Sign Systems Studies*, 40 (1/2), pp. 18–49.

Lotman, M., 2012b. Sissejuhatuses. In: M. Lotman, ed. *Struktuur ja vabadus I: semiootika vaatevinklist. 1.1. Tartu-Moskva koolkond: tekstist semiosfäärini*. Tallinn: TLU kirjastus. pp. 15–46.

Taranovsky, K., 1976. *Essays on Mandel'shtam*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

The author

Prof. Mihhail Yu. Lotman, Tallinn University; Lead research fellow, University of Tartu, Estonia.

E-mail: mihhail.lotman@gmail.com

To cite this article:

Lotman, M. Yu. 2019, The text in the context of the Tartu Semiotic School: problems and prospects, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 45–58. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4.